

— Слышал, паренёк, ты перебрался в Чжули, собирался уже навестить.

— Да вот ноги не ходят, ладно. Молодец, что старика не забыл.

Хромой Ван, с небритой щетиной и худым лицом, в заношенной одежде, протянул крупную руку и потрепал Цюаньцзы по голове.

— Дядя Ван, взгляни-ка на мой лук.

Цюаньцзы ухмыльнулся, снял лук и подал его.

— Ничего, добротный. Бывало, у меня лук такой, что двое мужиков натянуть не могли — настоящая царь-пушка.

Хромой Ван вздохнул, будто вспоминая злокозненность судьбы. Возвращая лук, он смотрел на Цюаньцзы с тёплой улыбкой.

Лето. Сплошной, ни на миг не умолкающий стрекот цикад. В Чжули деревьев много, людей мало — самый что ни на есть цикадий рай.

Местная ребятня разделилась на два лагеря. С сетками на длинных шестах они рыскали по деревне. Южане во главе с А-Чунем, восточные — под предводительством Цюаньцзы. И те и другие — гурьба немалая.

Враги сошлись под старым тутовником. Напряжение висело в воздухе, словно тетива перед выстрелом. Цюаньцзы шагнул вперёд, А-Чунь — тоже. За спинами предводителей их отряды сверлили друг друга глазами.

— Брат Хун, это место испокон веков наше, — заявил А-Чунь.

— А цикады? Тоже ваши? — отозвался Цюаньцзы с небрежной лёгкостью, окидывая взглядом четверых-пятерых за спиной противника.

Ростом они были почти ровни, годами — тоже, оба с задатками вожака.

Благодаря славе Цюаньцзы-лучника сторонники А-Чуня притихли, никто не решался пикнуть.

В наступившем молчании А-Ти набрался храбрости:

— Земля наша — и цикады наши!

— Врёшь! Они с нашей стороны прилетели! — возмутилась Чжуан Лань.

По её разумению, раз у цикад есть крылья, они вольны лететь куда угодно.

Ещё мгновение — и перепалка разгорится снова, но А-Чунь скомандовал:

— Расступитесь. Пусть проходят.

Всего-то несколько цикад. Их тут, по всему лесу, не переловить.

Люди А-Чуня, хоть и скрипя сердцем, посторонились.

Цюаньцзы прошёл вперёд, за ним — Чжуан Лань, А-Пин и А-Ли. Ловить цикад его

интересовало мало, он просто составил компанию детям из семей Чжуан и Чжан.

Сетки были две: одна у Цюаньцзы, другая у А-Ли. Работали парами: Цюаньцзы с Чжуан Лань, А-Ли с А-Пином. Цюаньцзы подкрадывался к цикаде на стволе, резко накрывал сетью; Чжуан Лань, прикрывая рукой горлышко, прятала добычу в маленький глиняный кувшин. Четверо бродили по лесу у старого тутовника, и вскоре улов был богат.

Летний зной заставил пот струиться по спинам. Наловив с десятков цикад, компания вернулась в усадьбу Чжуанов.

Во дворе цвели деревья, в тени которых можно было отдохнуть.

А-Хэ сварила кастрюлю супа из маша и выставила остывать — детям утолять жажду и зной. Каждый налил себе по чашке и с наслаждением выпил прохладную сладость. Цюаньцзы, осушив одну, налил вторую и отнёс за камелию, где Чжуан Ян расстелил циновку в тени.

Камелия в усадьбе Чжуанов была высокая, неизвестно, в каком году посаженная. Когда Чжуаны купили этот дом, она уже росла здесь. Дерево, заботливо выращенное Чжуан Яном, было пышным и раскидистым, за долгие годы разрослось в шикарный шатёр.

Чжуан Ян сидел под камелией лицом к пруду, где буйно цвели лотосы. У его ног возился Чжусунь, глодая бамбуковую планку. Бамбук, конечно, не чета свежим листьям — еда явно несвежая, и зверёк грыз её без особого энтузиазма. Чжуан Ян вынул планку из пасти Чжусуня и, подняв голову, увидел Цюаньцзы с чашкой в руках.

С весны Цюаньцзы заметно вытянулся. На нём была поношенная одежда Чжуан Яна, сидевшая чуть великовато.

— Эрлан, держи.

— Спасибо.

Цюаньцзы поставил чашку на низкий столик и не ушёл сразу. Его взгляд упал на бамбуковые планки, исписанные ровно до половины.

Цюаньцзы не понимал, что именно пишет Чжуан Ян, но смотреть на это ему нравилось.

Чжуан Ян всегда сидел прямо, сосредоточенный и аккуратный, а его иероглифы ложились ровно и изящно.

Лишившись «игрушки», Чжусунь не сдавался. Он упёрся лапами в ножку столика, пытаясь снова её урвать. В последний момент Цюаньцзы отодвинул планку, и зверёк схватил воздух.

Чжуан Ян, неспешно прихлёбывая суп, наблюдал за этой вознёй. Он улыбнулся и потрепал Чжусуня по голове.

— Чжусунь, иди сюда.

Цюаньцзы отозвал проказника, чтобы тот не мешал Чжуан Яну.

Чжусунь последовал за ним к пруду. Цюаньцзы замер, глядя на лотосы. Чжусунь устроился рядом и тоже уставился на цветы — будто и впрямь способен был оценить такую красоту.

У воды веял лёгкий ветерок, лотосы пылали — поистине прекрасный летний день.

Детей из семей Чжуан и Чжан Цюаньцзы уже почти не учил стрельбе из лука. Всё, что можно было освоить, они освоили, а чему не дано — например, попадать без промаха, — тому и не научишь.

Но он по-прежнему часто проводил с ними время. Почти каждый день после полудня Цюаньцзы заглядывал в усадьбу Чжуанов. И не только Чжусунь принимал его как своего. Для А-Пина и Чжуан Лань он стал ещё одним старшим братом. Даже слуги в доме Чжуанов были с ним накоротке.

Подарить семье Чжуан Цюаньцзы мог немного — разве что вяленую рыбу да живого мандаринового окуня.

Окунь на пару — настоящее лакомство, Чжуан Ян его очень любил, потому Цюаньцзы и приносил часто.

Внимательный наблюдатель заметил бы: когда Чжуан Ян был во дворе, Цюаньцзы задерживался подольше; если же того не было, Цюаньцзы, передохнув, уходил.

И немудрено, что Цюаньцзы тянулся к Чжуан Яну. Людей всегда влечёт к тем, кто добр и прекрасен, будь то мужчина или женщина.

Прожив в Чжули несколько месяцев, Цюаньцзы привык к здешней жизни и радовался, что перебрался сюда из Фэнсяна.

В Фэнсяне он батрачил на дядю, вкалывал на любой работе, но ничего своего не имел. В Чжули он растил свинью — и свинья была его; обрабатывал поле — и урожай был его.

Беленькая, привезённая им поросё, к лету превратилась в здоровенную свинью, которую пасли в лесу за домом. Чистить её теперь было некому, и, разгуливая по лесу (крупных зверей в Чжули не водилось), она чувствовала себя полновластной хозяйкой. Единственный недостаток — любила поваляться в грязи да покопать землю, отчего из белоснежной превратилась в грязную.

Подросли и овцы с кроликами, но ни те, ни другие, ни даже свинья ещё не годились ни для разведения, ни для продажи на мясо.

На берегу реки капуста Чжуанов уже зеленела пышным ковром. А-Хэ по мере надобности срезала кочаны для стола.

А у Цюаньцзы поспели соевые бобы — пора было жать.

Мать с сыном трудились на поле, выдёргивая стебли, складывая их комлями в одну сторону и связывая в снопы. Работников в семье Лю было мало, дело шло медленно. Дети из семей Чжуан и Чжан, завидев жатву, прибежали помогать. К тяжёлому труду они привычки не имели, но горели энтузиазмом.

— Нет-нет, мы с Цюаньцзы справимся!

Матушка Лю, увидев, что эти неженки собрались в поле, ахнула.

— Брат Хун, я помогу! Вот так дёргать, да? Я умею!

Чжуан Лань и не думала уходить. Она ухватилась за стебли и легко выдрала два.

— Брат Хун, дай нам помочь! Не будем мешать!

— Верно, брат Хун!

Иной хозяин, увидев такую ораву шумных, неопытных детей, прогнал бы прочь. Но Цюаньцзы — нет. Он организовал работу: А-Ли с Чжуан Лань выдёргивали бобы, А-Пин вязал снопы, а сам Цюаньцзы таскал тяжёлые охапки во двор.

Вскоре работа закипела весело и шумно. У каждого было дело, каждый участвовал.

Лёгкую работу Цюаньцзы оставил детям, тяжёлую взял на себя. Перетаскав снопы во двор, он разложил их для просушки. Когда стебли, листья и стручки полностью высохнут, можно будет молотить.

Поле опустело, а двор Цюаньцзы аккуратно застелили бобовой соломой.

Урожай у Цюаньцзы вышел небогатый, стручки щупловатые. Быть земледельцем нелегко — нужен опыт. Но для Цюаньцзы уже была радость в том, что он сам вырастил и собрал этот урожай.

<http://bllate.org/book/15945/1425575>